

Матвей Янкелевич
В рабочем режиме¹

Все началось с Гюстава Курбе...
Марсель Дюшан, интервью

Мы сказали движение. Но движение — это еще не все
Кока-кола пенится, а потом вдруг раз и перестает
чтобы, возможно, не пениться уже никогда

Изобретения превзошли нас, и мы решили
выбросить себя на свалку, а изобретения
остались на месте. Они были единственным, что осталось

И тогда я изобрел нечто, что кружилось волчком
на стуле, и назвал это водой, а еще — нечто, на чем
можно стоять не падая, и назвал это зеркалом

Я почувствовал себя в своей тарелке и с той поры полюбил бег трусцой
и возвращение домой — ключ
под ковриком у дверей — на ужин

Мне не нравилось мое имя, и я подписал все свои изобретения Дворняга²
Дворняга считал себя лучше меня, и я пришиб его
креслом-качалкой, под которым он вел себя как отшельник

Нам приелся выбор. С выбором
покончено, он отправился в окно
вместе с экспериментом

Что-то не так, чувак?
Поденщики. Рабочие-мигранты. Сборщицы колосьев.
Поэты. Коммунары. Художники
Да ладно, они больше не существуют. Следовательно,
только мы существуем

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ:

в кафе, исполненном зеркал
прекрасной дамы я
взалкал

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ:

в далеких предместьях
польхают стога

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ:

передвижной театр — картонные стены
и бумажные окна — Арлекин
прорывает панно

1 Перевод выполнен по изданию: *Yankelevich M. The Present Work*. Palm Press, 2006.
2 В оригинале — *Mongrel* (дворняжка, полукровка, шавка); отсылка к одной из под-
писей Марселя Дюшана — *Mutt* (дурак, дворняжка), в частности знаменитый ready-
made «Фонтан» (1917) был подписан «R. Mutt». — *Здесь и далее примеч. пер.*

Ангелы без всякой техники
врезаются в стекло
оставляя ровные следы
ангельского искусства

НО НЕ БУДЕМ О СПОСОБАХ ПРИМЕНЕНИЯ
ОПРЕДЕЛИМ ЛУЧШЕ ОСНОВАНИЯ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ: министр культуры
собирает купюры;
рабочие в белых
спецовках, заляпанных чем-то красным, смотрят,
как его сажают в автомобиль в «аквариум» за решетку
стекло телевизора — что-то вроде окна, что-то вроде воды
своего рода зеркало

Видимость, раздетая донага
для наших услад. Мы словили
кайф от огласки. Сфотографируйте меня,
говорит наш герой, позируя для картины

Реальное
стало еще реальнее
пока бобина
вращала зернистые
образы
времени
уже проходящего
(сперва черно-белые
затем цветные)
перед самым нашим

*Курбе Гюстав, Курбе Гюстав,
Ты в сено падаешь, устав.*

между всполохами
Гюстав мог бы нарисовать
пустую страницу

Единообразии того что грядет
молотилка на
бессонном лугу

Но в раболепствующем
сознании стекла — расколотом вдребезги —
быть покаутированным — все равно что выпрямиться опиумным столбом

Романтическую подлинность — на подмостки
Прыжок из нарисованного окна. Синапс вместо разрыва. Бар
вместо баррикады

Гюстав, бредущий в грязных носках, бреющийся без зеркала
закуривающий тряску последней сигареты метро:
я ничего не ел, кроме кофе. Посочувствуйте

мне. Но нет, вы жалуетесь на улитку
застрявшую в ваших зубах. Возьмите зубочистку
и решите все мировые проблемы

У нас много всего, но нечего отдавать
Возьмите стихи этого паренька из шестого класса
Ворох заметок, ненаписанные новеллы
как сверхновые просверливают черные дыры в ночи

Что за идиосинкратическая психограмма, редуцируемая к грамматике
письма! Пиши, как считаешь нужным, отступай, стирай. Я последую
за тобой, вода, куда бы ты ни текла. Твой синтаксис выдает
твое мировоззрение, я прав? Ты внедрила инновации —
судя по всему, лингвистическим методом
смухлевав с броском игральных костей

СИНОПСИС: девять одноглазых мужей ожидают целителя
в кабинете травмпункта, с цветными
журналами на трехмерной бумаге

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ:

Не важно, как мы смотрим на вещи
вещь остается той же самой, той же самой вещью

Теперь над стогами маячат трубы
Поэты, делающие вид, что они свободны, перевернули бульвар
в поисках золотой жилы сладкого парижского порошка

Включить аварийные сигналы литературы!
(Если они сейчас не звучат, значит — вышли из строя)
В китайском саду — одно иудейское дерево

СЛЕДУЮЩАЯ ЧАСТЬ БЫЛА В ВОСЬМОМ
СЛЕДУЮЩАЯ ЧАСТЬ БЫЛА ПИСЬМОМ

Гюстав
мог ли ты
вообразить молодежь
послушно принимающую стариковский правеж

Гюстав
мог ли ты
знать, что нищие будут молить о войне
стоя по колено в говне

Гюстав
этот вопрос не к тебе —
ты рисовал листья травы, как если бы
они не существовали
отдельно друг от друга
или холста

Есть дилемма, которую я не могу решить:
Кто создал закон? Кто его нарушил?
Кто сфальцевал его в книгу? Природа? Инфляция?
Чему научила нас Революция?
Чья это идея, что идеи
сводятся только к идеям?

Абстрактная форма —

«Зови меня Люси»³ — висела на стене в квартире,
с которой я съехал. Так звали плод краски
и кого-то, кого я толком не знал. Время
проносится у меня под окнами, куда б я ни шел, жизнь
не дает передышки — снимаю шляпу!

Мы заштриховали себя

углем, спиной к непроницаемому окну
Но вскоре ангелы, изображенные правым углом,
пришли в ярость из-за того, как их вывел квадратный корень
По крайней мере раньше их рисовали в яслях
белыми пуганчиками — как минимум юными

Простота покинула нас, когда

она нас покинула, она покинула нас непростыми
С той поры у нас одни лишь сложные
остроугольные мысли и жилищные комплексы
неполноценности. Мы не можем быть современными —
современность вышла из моды еще до того, как превратила
столетие
в фабрику. В поэзии
нам открылась история

Почему Гюстав?

Потому что мне нужно
обратить свою иеремиаду к кому-то
кто умеет рисовать. Рисуй же,
нечего разлеживаться. Я не могу
сделать это вместо тебя, я — писатель
а не

**«АНГЕЛЫ» — У МЕНЯ ЕСТЬ ПРАВО СКАЗАТЬ ЭТО
НЕ ПРИБЕГАЯ К ТЕХНИКЕ И ЗУБНЫМ ПРОТЕЗАМ**

Ночь на баррикадах. Дома. Антенны.
Кола горела на столе. Кола горела.

КЛОЧОК БУМАГИ: я пришел сюда за великим

стихотворением моей жалкой жизни. Я бросил писать. Круг
расширился. Мои брюки не сходятся на животе

3 Люси — скелет женской особи афарского австралопитека, найденный в 1974 году в Эфиопии и названный в честь песни «Битлз» «Люси на небесах в алмазах».

(Тем временем задерживается...) Я говорил с
кондиционерами в своих снах, но они
монотонно жужжали, объясняя мне истинный смысл
монотонности, за что я был им, думаю, благодарен

Тем временем поэты следуют партийному курсу на вечеринке
Но почему я не могу сказать «Кант» и иметь это в виду? Не уговаривай
меня говорить уклончиво, поэт⁴. Мои брюки
смотрят парад планет

СИНОПСИС (ЗАБЫВАЯ):

Чипсы на бочку, бомбы в рассрочку
то были восьмидесятые — давно забытые
Лофты напрокат, поэзия точка com
снова свастики в Брюгге. Снова
мавры на берегах Сены

Гюстав, смотри, регулярное письмо в небе
— реклама желтой кофты какого-то фата

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ (ЗАБЫВАЯ):

Почему бы нам не быть как Гертруда Стайн
и делать вид, что ничего не происходит
что Наполеон не вернулся, чтобы преследовать
тех, кто родился еще раз. Потерянный поезд
мысли. Каждого, кого я забыл⁵
Будь хорошим евреем и ненавидь себя за это
и перестань сажать эти бесчисленные деревья

АНГЕЛ:

за свою привилегию я заплатил
сполна в небесной налоговой
чтобы вы могли тут перепихнуться
пока я трезвею

ТРАНСКРИПТ:

(Мартини и Бродяга)

Сохо в Челси? МоМА в Квинсе? Куда подевались все бездомные?
И все же ты не можешь заменить Р на К
Искусство стало бесполезным с тех пор, как ты умер
и еще меньше — бросить Ф перед ним.
Моя ли вина, что я родился с поврежденными генами?
Брат, не найдется ли четверти миллиона?

4 Ср. со строкой Эмили Дикинсон «Tell all the Truth but tell it slant...» (букв.: «Скажи всю правду, но скажи обиняком»).

5 В оригинале — *Everybody's Iforgot* — отсылка к «Автобиографии каждого» («Everybody's Autobiography», 1937) Гертруды Стайн.

Тем временем носы ангелов

покрылись веснушками под стать выцветшим пятнам на спецовках рабочих
— смешанная техника, утраченная изначальная белизна
Жуя безумную жвачку пока польхают и польхают стога
Сен-Лазар, слепящие сигареты, вспыхнувшие на ветру, словно посылая
кого-то к еб.ни матери, словно говоря ангелу «отъ.бись»

И Курбе, призванный в компанию ангелов
впивается в дым, сахар, мучительно мягкие
алюминиевые тубики. Абсолютное бытие в точке истории

Мартини все подвергал сомнению
Дворняга делал выбор, и что бы он ни
выбрал, оно тотчас выбирало его

Q: Чему научила нас
Французская Революция?

A: Не ставить скамейку там
где мы ждем автобуса

*Курбе Гюстав, Курбе Гюстав,
Ты в сено падаешь, устав.*

МЫ БЕРЕМ НА СЕБЯ ИЗДЕРЖКИ ЗА СОХРАНЕНИЕ ПЛОДОВ НАШЕГО СОБСТВЕННОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Мы разбили китайский сад

Мы разбили китайский сад посреди
музея, в розовой дымке, где все стоят в равной степени
протрезвевшими при мысли об оригинале, тоскующем вертикально
в вестибюле одержимого державного атриума, одержимого
державного рынка, одержимой державной фондовой биржи,
одержимой державной школы, одержимой державной больницы
для
душевнобольных, одержимых державных душевнобольных
в больнице для душевнобольных, одержимого державного
китайского в равной степени одержимого сада

МЕРТВЫЙ ДАДА: Над романтикой легко смеяться, а вот поверить в нее куда труднее,
что и собрало нас здесь, ее невозможно принимать всерьез, это-то и сделало нас
сегодня смехотворными. Вы действительно хотите избавиться от мобильного теле-
фона, потому что его необходимость — мозговая игра, с тем же успехом вы можете
жить в хижине; так почему бы не делать вид, что это разумно — инвестировать в то,
что вас же и стреноживает. Получите банковский кредит, медицинскую страховку,
прогуляйтесь по экологической нише, устланной монетизацией, — сохраняйте ее
в чистоте, озеленяйте! Вам этого не постичь: о как я хочу ее. Этой романтики.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ: смог

рассеивается. Министр смог
прочистить трубы за неплохие проценты.

Теперь этим дышат ангелы. Зато здесь внизу
мужчины видят до полночи козу,
а женщины до утра — осла,
спокойной вам ночи, приятного сна

Все они щурятся от дыма. Прикройте
свои глазки. Вот так. Чтобы напоминать
толкование сновидений, чтобы раскрыть рану

Если я взорву себя в нужное время в нужном месте
Мама сможет переделать кухню так, как она всегда об этом мечтала
Это будет как рейв, я буду каждым под экстази
Все будет золотым и зеленым — настоящий современный закат

ИНТЕРЛЮДИЯ: *Сегодня — опавший лист в автобусе. А что завтра?*

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ: Горожан придавила печальная индустрия. Двадцатый век
пришел, чтобы сказать: стоп! С прогрессом покончено, поэтому мы
сделаем это еще раз. Машины извлекают ангелов
из насекомых в пробирке, издающих искусственный стрекот. Естественные
причины становятся все более и более естественными. Толпа эволюционирует
до тех пор, пока эволюция ей не надоест

В общем, мы решили остаться
остаться на земле хотя нас и звали
в космическое путешествие, но у нас тут все то же самое
за исключением всего, и это прекрасно —

Я попиваю пиво,
а ты как насчет пивка? Вот и отлично, тогда все норм
мы остаемся. Прощайте, темнокожие, было приятно
познакомиться с вами. До свидания, бледнолицые, мы
неплохо провели вместе время. Удачи вам в лото
и в лито, скатертью дорога. Любви, попутного метра
и беспутного ветра. Настала пора каждому
позаботиться о самом себе. Пункт первый: стреляемся с десяти шагов

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ:

Гюстав подносит огонь к губам, показывает «фак»
в зеркало обратного видения и говорит: колонна рухнула —
должна была рухнуть — потому что она была подделкой⁶

ИНТЕРЛЮДИЯ: *Представьте блянье автомобилей по Би-би-си.*

Странно. Вроде я уверен в себе, иногда могу
и блеснуть. Кто сдюжит жить
асимметрично? Зачем сулить то, что не посолить?

6 Вандомская колонна была разрушена декретом Парижской коммуны как символ варварства, милитаризма и ложной славы. В подражание Трояновой колонне она была якобы отлита из металла пушек, захваченных армией Наполеона, но на самом деле выполнена из камня и обложена бронзовыми барельефами. После подавления Парижской коммуны правительство предприняло работы по восстановлению колонны и по суду обязало Курбе оплатить расходы.

В рабочем режиме

§

Кока-кола
Ангелы & Поэты
Мертвый Дада & Сама Учтивость

С Возвращением, Синописис, Q&A
Абстрактная форма (она же Люси)

Мартини — двойник Марселя &
Дворняга — в других обстоятельствах известный как Mutt, иммигрант (я сам)

Тем временем, Транскрипт, Клочок Бумаги
Коммунары, Сборщицы колосьев

Вороны, Определение, Коровы, Интерлюдия
Рабочие / Мясники / Холостяки

Министр Культуры, Бродяга
Подсолнухи в вазе
Доказательство

§

Ангелы,
выпорхните ли вы
с той стороны
настойчиво, тотчас
исчезая за вашим без-
искусным искусством, паря
без всякой техники, без того
чтобы выбирать какую-то сторону

Миленькие цвета, свободные жесты
у всего теперь изменился вкус. Во второй раз
повторяю, прополаскиваю, повторяю снова. Автомобиль
уже не заводится так, как в 73-м, когда служитель на заправке
украд фургон, оставив ветровое стекло и Гюстава
куковать на обочине посреди полей, где только вороны в крипто-
демократическом порядке над коровами да горящие стога
на версты вокруг под авиаопылителями, механизмы
заклинило от сажи. Кола
холодит мою ладонь в пятнах краски

ПОДСОЛНУХИ В ВАЗЕ: Не хочу проблем с пигментацией,
от нее мой стебель теряет ориентацию

Ангелы,
Ваш зов был услышан,
но не тем абонентом. Даруйте нам всепрощение —

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: Здесь что-то сложное.
Здесь что-то простое.
Сравните.

МАРТИНИ: Сколько смертей — три смерти или три миллиона
Мерцающий огонь — реальность перегорает как лампочка
Нам остаются пустые глазницы. Назови их
без вести пропавшие цифры

ТРАНСКРИПТ: А обозначает А как в апельсине
С — Сохранение
К — Кока-колу
И — Истину
V — Вандомскую колонну
Д — Друга

Наша единственная надежда, этот клочок
бумаги: найденный в вашем посмертном кармане
дарует вам величайшую постмодернистскую славу

Вы
ангелы дамского белья
добрые, злые или безразличные
Склон ваших носов — скошенных акведуков —
горит как солома. Очки
на кончиках или дальше (в
далеких предместьях)

Вы
подонки, грабители банков, сенная труха, пылевые вихри и
перекати-поле: вы художники. Убийцы, вы дураки. Забудьте
всё о ноже и вилке. Ты, поэт револьвера с холостыми
патронами, холостящих дверей, нарисованного окна, дерево
ты тоже вступай в наши ряды

Больно, Густав
а то ты не знаешь. Как выпавшей детали
больно на свалке металлолома. Пусти меня в ход!
Я хочу быть шестеренкой в универсальном
локтевом суставе стремительного упадка, хочу сиять
как последние дни солнца
замурованного в балках надземки

Курбе говорит буквально
то же самое в ответном письме. И мы сочувствуем
оставленные на обочине у разделительной
полосы прогресса

Перья — не чертежные карандаши. Бумага —
не вложение капитала. У лампочки есть идея лучше
чем то, что могут предложить словари

Вороны и поэты, куда бы вы ни направлялись
возьмите с собой ангелов, у которых нет рук
нет вкуса, нет стиля, возьмите великолепное убожество квадрата
и оставьте нам наши белые спецовки в жизнеутверждающих пятнах

Мы перемещаем нашу перспективу
в мертвую зону: вещи видятся четче, эксперимент
завершен — время оценить, подсчитать, разделить, транскрибировать
И я достаю свой складной метр
который напоминает меру всех вещей — турецкую саблю

СИНОПСИС: Коммерция процветает
Мы даем любые деньги
за любые вещи любым
людям любых народностей. Тем временем в башне
наши символы ждали татаро-монгольского ига дворян
пока мы рисовали идеи

Я говорю не с тобой, взрослый
детина у окна. Я предпочитаю скромных людей
всех возрастов. У меня есть план полета
чтобы не сбиться с курса: это факт, как кинофильм — слезоточивая
объективность, правдивая до упоминания (или наоборот)

Однажды в самолете я летел к тебе с распростертыми объятиями
сочиняя стихи на всем, что попадалось под руку —
в том числе облаках — тот век канул в прошлое, ангел. Я иду
обвешанный вещами отдавать их владельцу, так Европейский
союз будет носить твоих детей. О детская любовь
что всегда первая и не может быть последней

ИНТЕРЛЮДИЯ: Представьте, что снимаете показания в этой комнате.

Дорогой Случай
ангелы затаились по углам. Их сообщения
записаны на зеркале. Ангелы, трубите тревогу
ибо никого не осталось

Кто мы?

Я Джек, поэт.
Я Джил, тоже поэт.
Я Борис Поплавский. Я умер от передозировки в 1935 году в возрасте 33 лет
в Париже (при необдуманном переходе от футуризма к сюрреализму)
где я создавал автоматические стихи под родным языком
Я Гарри. Правда. Я поэт. Я люблю бегать трусцой
Я Дженни. Я поэт, работаю в шоу-бизнесе
Я Кен. Я торгую облигациями и пишу стихи
Я неизвестный солдат. А вы кто?
Я Тим. Я в порядке. Я люблю писать и рисовать. Вы найдете мне применение?
Я Майк. Я много пишу. В основном руководства
Я твой дед. Я верил в Мировую
Революцию. Работал в Коминтерне. Был арестован
в 1937 году и расстрелян как враг народа
Я Эмили. Я сопоставляю данные и пишу стихи
Я Магомет. Я играю на гитаре тяжелый рок и пишу стихи
Я Том. Я работаю в городских парках и пишу стихи

Я Фред. Я строю разноцветные карусели. Пишу стихи и много бухаю
Я Салли. Я обучаю поэзии детей из бедных районов и шью одежду
Я Ривка. Меня похоронили заживо вместе с семьей и всеми соседями
Я Тони. Я собираю игрушки и продаю их через интернет. В свободное время

САМА УЧТИВОСТЬ: Г-н Курбе, вы здесь? Я сейчас переключу вас на нашего специалиста по работе с клиентами, в данный момент он обслуживает других клиентов и будет счастлив помочь вам. Но сначала не могли бы вы сказать, почему вы закрываете свой счет в нашем банке? Г-н Курбе, спасибо за ожидание. Г-н Курбе? Вы здесь?

АНГЕЛЫ, ВЫ НЕСЕТЕ МЕСТЬ?
АНГЕЛЫ, ВЫ НЕСЕТЕ ШЕСТЬ?

Я воодушевляюсь, когда размышляю об этом. Потом впадаю в уныние. Зеваю и снова улыбаюсь, отмахиваюсь, улыбаюсь, теряю веру, затем нахожу оправдания, становлюсь непреклонным (я оправдан в своих глазах!), потом злюсь, потом сажусь и пью кофе, поскольку пить кофе можно, потом думаю обо всем, что мне нельзя — согласно законам физики, физики, обрекающей метафизические путешествия на твердокаменную неподвижность; после чего прошу у тебя разжиться табаком, и какое-то время огонь жжет, сушит и воспламеняет мой язык до такой степени, что уже никто не в состоянии утолить эту жажду, она целиком и полностью принадлежит мне, мне одному, непристойная в своей интимности, требующая уединения, безмолвная в предельно извращенной патологической тишине; а потом я могу улыбнуться желанию довериться памяти, памяти, которая мне не принадлежит, тщетное поползновение. И я говорю это вслух, клянча немного денег, потому что больших денег нет, нет надежды на большие деньги. Возможно, из двух пятидесятикопеечных монет получится рубль, если я сожму их сильнее — и буду сжимать так достаточно долго. К чему это меня приведет? Мне нужна помощь. Кто-нибудь, ангел, скажи: я помогу тебе. Нет, спасибо, я справлюсь сам, правда, спасибо за предложение. (Сколько страниц?) Мне не нужна помощь, я сдюжу. Я уже не так воодушевлен, как был минуту назад. Всего чертовски много. Номера бесплатных звонков. Каждый воодушевлен, а потом зевает. Уже не только я, не только ты и я. А глобальный мир там снаружи, ты только посмотри на него, кружится на своей игле, ноль на палочке единицы. Моя способность хорошо работать зависит от компании людей, у которых нет имен, нет ангелов.

Итак, поэт попрощался

с единичностью, его взгляд уперся
в горизонт, и в мгновение ока
стал поэтами

Они прикуривали

от мигающих недорогих механических
свечей ветра, убивая время снова и снова
творческая неудача каждого становится общей

В попытке опередить свет
В попытке растянуть время
В терпении и последовательности
В подсчетах
В любви
В игре в прятки

В истории
В научном доказательстве
В истинности
В сохранении

Да, друзья мои
я пытаюсь закончить эти предложения
в эпоху после конца нашего эксперимента

ИНТЕРЛЮДИЯ: Представьте клетку, где нет места для птицы.

Выселенное из центра

наше «я» больше не хозяин в своем доме: смысл
больше не согласуется с замыслом
Поэтому не спрашивайте об истине. Спросите
лучше, как на смысле держится крыша. Она
не съезжает. И как построить плотину, если она
должна перегородить ваш дом? Я был орхидеей

Теперь я садовник. Я застегивал и расстегивал

свою рубашку на протяжении двадцати лет. Есть ли предел
совершенству? Одномерный человек утюжит время
резиновыми шинами настоящего
Депрессия или экономический бум —
те же мясники, те же полицейские, те же купюры у министра культуры
тот же порядок

В далеких предместьях меня бьет дрожь без четкого контура,
что твоя отупляющая демократия. Мой квадрат сделан
из единственно необходимого цвета — синяков побитых плодов

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ: Восстанавливают Вандомскую колонну. Что
сохранилось? — цена изобилия эффективности качества нужды
цена без факта равна площади в геометрии самой по себе
сжимающейся на солнце за тюремной решеткой

Нас всех возбуждала музыка, потому что она
вертелась по кругу и потому что о круге можно думать
не включая мозги. Повторять, повторять, повторять
это повторение — стиль по определению повторяем

Нам не хватает времени, поэтому мы пишем стихи
торопясь вычислить ангелов
по их следам. Не видя вороны,
мы знаем, что она где-то здесь

ИНТЕРЛЮДИЯ: Представьте крюк, на который нельзя повесить шляпу.

Гюстав, поэты спрашивают:

Все это время мы сражались
со смыслом — конкретным и общим —
и куда в итоге пришли? За его пределы?
За пределами школы как хороши как свежи приколы

Затем поэты обращаются к воронам:

мы слишком непонятны, чтобы быть демократичными?
мы хотим быть как вы, вороны Адриатики,
но поднимаемся лишь на чердаки в домашнем халатике

Мы вороны

летающие в слоях буквализма, с израненными глазами
мы крушили все, до чего могли дотянуться наши слова.
Возможно, время собирать черепки; возможно, пора
выбрать название, трубить тревогу, возможное стихотворение
должно освободиться от мира, должно выгореть
до собственных оснований но нам Л-Е-Н-Ь
нам бы подремать с песиком под складным стульчиком веры

МЫ УПАЛИ С ДЕРЕВА ГДЕ ТЕПЕРЬ ВОССЕДАЮТ ПОЭТЫ

Не ностальгия

не отпускает меня. Курю,
чтобы не отпустить от себя лоскут, оторванный
от пористого пергамента времени, жест
который его тело без меня неспособно
помнить. Этот акт безрассудства
точен на чувственном уровне, что-то вроде
манеры держать себя.

Она обзавелась новой позой —
у нас такой нет. Сбалансированное безразличие?
Скептический испытующий взгляд? Что-то чертовски
современное. Я пишу во множественном числе: Мы — вода

Стога в процессе горения

нечто наподобие оттиска, впечатанного
в пейзаж, в грунт. Из которого
ничего не произрастет — таково начало

Что такое горение? Это как сделать стекло из песка и

разбить его на крохотные частицы, похожие на песок
Но представьте, что это происходит опять, представьте и это. Вот
что такое горение, о котором речь, последнее и непрекращающееся

Зачем я влюбился

в абстрактную форму? Смотри
как я создаю нечто чудесное
из каракулей

*Этот бессмысленный образ ворон на антеннах, удлиняющий и без того
продолговатое тело горизонта.*

Этот бессмысленный звук гнетущего вороньего карканья.

*Это так же бессмысленно, как детство? Более бессмысленно или менее? Деревья
образуют под антеннами сетку, чтобы ловить ворон, когда они падают.*

*О, мне бы пишущую машинку. О, мне бы добротную шляпу. Если они и вправду
падают.*

Однако в этой стране бутылка колы говорит, что использовать ее можно исключительно для питья.

Вороны носятся стаями друг за дружкой, вращаясь как безмозглые мысли над нашими сонными головами, как безмозглые видения, как всадники без головы, как обезглавленные ангелы

ИНТЕРЛЮДИЯ: *Представьте короткий стишок, которому нет конца.*

Гюстав, можешь помочь мне разобрать «факт»:
помоги мне заменить К на Р — смешок —
а потом убрать Ф. Гюстав, подожди. Все, что у меня
есть, это плакат с твоим именем. Не уходи. Ты оставил
свой мартины безоговорочно и навсегда недопитым

Греза о реальности, он пробуждается
в реальность, словно гигантское стекло
разбивается над скоростной автострадой
Бруклин — Квинс или на шоссе Меррит — так, что образ
разламывается на два, умножающихся в пыль (из которой состоят ангелы)
и город у тебя за спиной стремительно смыкается в фокус, четкий
как никогда ранее и законченный — увиденный из Коннектикута

О, быть исторгнутым из машины. Превратить квадрат
в жест, который нельзя повторить. Образ можно повторить,
но не жест. Создать машину, которую невозможно
пустить в ход — почему бы и нет? Я не хочу начинать сначала.
С меня довольно начал, век закончен, эпизод снят

Все началось с Гюстава Курбе
который пил колу и сказал каждому, не прибегая к словам
что ничего не было: ты поверхность того, что ты видишь

Он курил самокрутку
и смотрел на ворону. Когда он бросил окурок
по берегам Сены загорелись стога

Мы сказали мгновение. Но мгновение —
это еще не всё. Кока-кола пенится, а потом вдруг
— раз! — и все, что я создаю, идет в уплату за то, что я разрушаю

Перевод с англ. А. Скидана